

АРКАДИЙ СТРУГАЦКИЙ,
БОРИС СТРУГАЦКИЙ

ГЕНЕРАЛЬНЫЙ ИНСПЕКТОР

Рисунки Н. Гришина

В конце двадцатого века с одного из космодромов Советского Союза стартовал первый в мире фотонный планетолет «Хиуса». Экипажу «Хиуса» предстояло решить трудную задачу: разведать подступы к Урановой Голконде, мощному месторождению радиоактивных ископаемых на Венере.

Венера встретила разведчиков черными бурями, подземными взрывами, палящим дыханием атомных вулканов. Погибли командир экспедиции и бортинженер «Хиуса». Едва не затонул в бездонной трясине планетолет. Но большие, полумертвые от усталости люди не отступили. Задача была выполнена. Планетологи Юрковский и Дауге, штурман Крутиков и водитель вездехода Быков вернулись на родную планету. Об этом Аркадий и Борис Стругацкие рассказали в повести «Страна багровых туч».

После этих событий прошло несколько лет. Много изменилось за это время на Земле и в солнечной системе. Объединенное человечество окончательно завоевало возлесолнечное пространство. И вот снова встречаются старые друзья, участники экспедиции на Венеру.

Но прошлое не сдается без боя. Его пережитки дают себя знать даже в космическую эру истории человечества. «Кое-где

в огромной сети космических поселений, охватившей всю солнечную систему, происходило неладное, и Международное управление космических сообщений решило покончить с этим». Генеральным инспектором МУКСа назначен крупный ученый-планетолог Юрковский. Ответственный инспекторский рейс поручается экипажу фотонного корабля «Тихмасиб»: капитану Быкову, штурману Михаилу Крутикову и бортиженеру Жилину. На борту «Тихмасиба» в качестве стажера оказывается и молодой вакуум-сварщик Юра Бородин: он опоздал на пассажирский планетолет в систему Сатурна, где ведется строительство новой космической лаборатории.

Ниже публикуются две главы из новой повести Аркадия и Бориса Стругацких «Стажеры».

ЭЙНОМИЯ.

СМЕРТЬ-ПЛАНЕТЧИКИ

— Стажер, — сказал Быков, складывая газету, — пора спать, стажер.

Юра встал, закрыл книжку и, немного поколебавшись, сунул ее в шкаф. «Не буду сегодня читать, — подумал он. — Надо, наконец, выспаться».

— Спокойной ночи, — сказал он.

— Спокойной ночи, — сказал Быков и развернул следующую газету.

Юрковский, не отрываясь от бумаг, небрежно сделал ручкой. Когда Юра вышел, Юрковский сказал:

— Как ты думаешь, Алексей, что он еще любит?

— Кто?

— Наш юноша. Я знаю, что он любит и умеет вакуумно варить. Я видел на Марсе. А вот что он еще любит?

— Девушек, — сказал Быков.

— Не девушек, а девушку. У него есть фотография девушки.

— Я не знал.

— Можно было догадаться. В двадцать лет, отправляясь в дальний поход, все берут с собой фотографии и потом не знают, что с ними делать. В книгах говорится, что на эти фотографии нужно смотреть украдкой и чтобы при этом глаза были полны слез или уж, во всяком случае, затуманивались. Только на это никогда не хватает времени. Или еще чего-нибудь. Более важно. Но вернемся к нашему стажеру.

Быков отложил газету, снял очки и посмотрел на Юрковского.

— Ты уже кончил дела на сегодня? — спросил он.

— Нет, — сказал Юрковский с раздражением. — Не кончил и не желаю о них говорить. От этой идиотской канцелярщины у меня распухла голова. Я желаю рассеяться. Можешь ты ответить на мой вопрос?

— На этот вопрос лучше всего тебе ответит Иван, — сказал Быков. — Он с ним все время возится.

— Но поскольку Ивана здесь нет, я спрашиваю тебя. Кажется, совершенно ясно.

— Не волнуйся так, Володя. Печенка заболит. Наш стажер еще просто мальчик. Умелые руки, а любить он ничего особенно не любит, потому что ничего не знает. Алексея Толстого он любит. И Уэллса. А Голсуорси ему скучен, и «Дорога дорог» ему скучна. Еще он очень любит Жилина и не любит одного бармена в Мирза-Чарле. Мальчишка он еще. Почка.

— В его возрасте, — сказал Юрковский, — я очень любил сочинять стихи. Я мечтал стать писателем. А потом я где-то прочитал, что писатели чем-то похожи на покойников: они любят, когда о них либо говорят хорошо, либо ничего не говорят. И я подался в космос.

— Стихи ты писал и в космосе, — заметил Быков.

— М-да-а, — сказал Юрковский, задумчиво улыбаясь. — А теперь вот не пишу. Прошла молодость. Но я не об этом. Меня всегда интересовал вопрос: становимся ли мы лучше от поколения к поколению? Старики всегда говорят: «Ну и молодежь нынче пошла! Вот мы были!»

— Это говорят очень глупые старики. Краюхин так не говорил.

— Краюхин вообще на этот счет помалкивал. И правильно делал. Он просто брал молодых, кидал их в печку и смотрел, что получится. Если не сгорали, он признавал их за равных.

— А если сгорали?

— Как правило, мы не сгорали.

— Ну вот, ты и ответил на свой вопрос, — сказал Быков и снова взялся за газету. —

ПРИЛОЖЕНИЕ К ЖУРНАЛУ

ЦК ВЛКСМ

ВОКРУГ СВЕТА

№ 2 (8) 1962

*ЭТОТ НОМЕР МЫ ПОСВЯЩАЕМ
НАШЕЙ МОЛОДЕЖИ — ТЕМ, КТО
МЕЧТАЕТ О СВЕЛОМ БУДУЩЕМ
И СТРОИТ ЕГО*

СТАЖЕРЫ

*Главы из новой научно-
фантастической повести
А. и Б. Стругацких*

18 ТЫСЯЧ МЕТРОВ В ГЛУБЬ ЗЕМЛИ

МОЛОДЕЖЬ ВСЕГДА ПЕРВАЯ

*Четыре приключенческих
рассказа*

РАССТУПИТЬСЯ, АРКТИКА!

*Необыкновенный рейс
атомохода „Ленин“*

МАШИНА ВРЕМЕНИ—ФАНТАСТИ- КА ИЛИ РЕАЛЬНОСТЬ?

АЛЛО! АЛЛО! ВЫЗЫВАЕМ
МАРС...

Юра сейчас на пути в печку, в печке он, пожалуй, не сгорит, через десять лет ты с ним встретишься, он назовет тебя старой песочицей, и ты, как честный человек, с ним согласишься.

— Позволь, — сказал Юрковский, — но ведь на нас тоже лежит какая-то ответственность. Мальчика нужно чему-то учить!

— Жизнь научит, — коротко сказал Быков из-за газеты.

В кают-компанию вошел Михаил Антонович, в пижаме, в шлепанцах на босу ногу, с дымящимся чайником в руке.

— Добрый вечер, мальчики, — сказал он. — Что-то мне захотелось чайку.

— Чаек — это хорошо, — оживился Быков. Он встал и пошел в буфет.

— Чаек так чаек, — сказал Юрковский и стал собирать свои бумаги.

Капитан и штурман накрыли на стол. Михаил Антонович разлил варенье в розетки, а Быков налил всем чаю.

— А где Юрик? — спросил Михаил Антонович.

— Спит, — ответил Быков.

— А Ванюша?

— На вахте, — терпеливо сказал Быков.

— Ну и хорошо, — сказал Михаил Антонович. Он отхлебнул чаю, зажмурился и сказал: — Никогда, мальчики, не соглашайтесь писать мемуары. Такое нудное занятие, такое нудное!

— А ты побольше выдумывай, — посоветовал Быков.

— Как это?

— А как в романах. «Юная марсианка закрыла глаза и потянулась ко мне полуоткрытыми устами. Я страстно и длинно обнял ее».

— «Всю», — добавил Юрковский.

Михаил Антонович зарделся.

— Ишь, покраснелся, старый хрыч, — сказал Юрковский. — Было дело, Миша?

Быков захохотал и поперхнулся чаем.

— Фу! — сказал Михаил Антонович. — Фу на вас! — Он подумал и сказал: — А знаете что, мальчики? Плюну-ка я на эти мемуары. Ну что мне сделают?

— Ты нам вот что объясни, — сказал Быков. — Как повлиять на Юру?

Михаил Антонович испугался.

— А что случилось? — спросил он. — Он нашалил что-нибудь?

— Пока нет. Но вот Владимир считает, что на него нужно влиять.

— Мы, по-моему, и так на него влияем. От Ванюши он не отходит, а тебя, Володенька, просто боготворит. Раз двадцать уже рассказывал, как ты за пивками в пещеру пошел.

Быков поднял голову.

— За какими это пивками? — спросил он.

Михаил Антонович виновато заерзал.

— А, это легенда, — сказал Юрковский, не моргнув глазом. — Это было еще... э-э... давно. Так вот вопрос: как нам влиять на Юру? Мальчику представился единственный в своем роде шанс — посмотреть мир лучших людей. С нашей стороны было бы просто... э-э...

— Видишь ли, Володенька, — сказал Михаил Антонович. — Ведь Юра очень славный мальчик. Его очень хорошо воспитали в школе. В нем уже заложен... как бы это сказать... фундамент хорошего человека. Ведь пойми, Володенька, Юра уже никогда не спутает хорошее с плохим...

— Настоящего человека, — веско сказал Юрковский, — отличает широкий кругозор.

— Правильно, Володенька, — сказал Михаил Антонович. — Вот и Юрик...

— Настоящего человека формируют только настоящие люди, работники, и только настоящая жизнь, полнокровная и нелегкая.

— Но ведь и наш Юрик...

— Мы должны воспользоваться случаем и показать Юрию настоящих людей в настоящей, нелегкой жизни.

— Правильно, Володенька, и я уверен, что Юрик...

— Извини, Михаил, я еще не кончил. Вот завтра мы пройдем до смешного близко от Эйнумии. Вы знаете, что такое Эйнумия?

— А как же? — сказал Михаил Антонович. — Астероид, большая полуось — две и шестьдесят четыре астрономических единицы, эксцентриситет...

— Я не об этом, — нетерпеливо сказал Юрковский. — Известно ли вам, что на Эйнумии уже три года функционирует крупнейшая в мире физическая станция по исследованию гравитации?

— А как же! — сказал Михаил Антонович. — Ведь там же...

— Люди работают там в исключительно сложных условиях, — продолжал Юрковский с воодушевлением. Быков пристально смотрел на него. — Двадцать семь человек, крепкие, как алмазы, умные, смелые, я бы сказал даже — отчаянно смелые! Цвет человечества! Вот прекрасный случай познакомить мальчишку с настоящей жизнью.

Быков молчал. Михаил Антонович сказал озабоченно:

— Очень славная мысль, Володенька, но это...

— И как раз сейчас они собираются производить интереснейший эксперимент. Они пытаются определить скорость распространения гравитационных волн. Вы знаете, что такое смерть-планета? Скалистый обломок, который в нужный момент целиком превращают в излучение! Чрезвычайно поучительное зрелище!

Быков молчал. Молчал и Михаил Антонович, который понял, что Юрковский во что бы то ни стало хочет произнести речь.

— Увидеть настоящих людей в процессе настоящей работы — разве это не прекрасно?

Быков молчал.

— Я думаю, это будет очень полезно нашему стажеру, — сказал Юрковский и добавил тоном ниже: — Даже я не отказался бы посмотреть. Меня давно интересуют условия работы смерть-планетчиков.

Быков, наконец, заговорил.

— Что ж, — сказал он. — Действительно небезынтересно.

— Уверю тебя, Алексей, — сказал Юрковский с подъемом. — Я думаю, мы зайдем туда, не так ли?

— М-да, — неопределенно сказал Быков.
— Ну вот и прекрасно, — сказал Юрковский. Он посмотрел на Быкова и сказал: — Тебя что-то смущает, Алексей?
— Меня смущает вот что, — сказал Быков. — В моем маршруте есть Марс. В маршруте есть Бамберга с этими паршивыми копиями. Есть несколько спутников Сатурна. Есть система Юпитера. И еще кое-что. Одного там нет. Эйнумии там нет.
— Ну-ну, как тебе сказать... — сказал Юрковский, опустив глаза и барабанив пальцами по столу. — Будем считать, что это недосмотр Управления, Алеша.

— Придется тебе, Владимир, посетить Эйнумию в следующий раз.

— Позволь, позволь, Алеша... Э-э... Все-таки я генеральный инспектор, я могу отдать приказ, так сказать... э-э... во изменение маршрута...

— Вот сразу бы и отдал. А то морочит мне голову воспитательными задачами!

— Ну-ну, воспитательные задачи, конечно, тоже... да.

— Штурман, — сказал Быков. — Генеральный инспектор приказывает изменить курс. Рассчитайте курс на Эйнумию.

— Слушаюсь, — сказал Михаил Антонович и озабоченно посмотрел на Юрковского. — Ты знаешь, Володенька, горячего у нас маловато. Эйнумия — это крючочек... Ведь два раза тормозить придется. И один раз разогнаться. Тебе бы неделю назад об этом сказать.

Юрковский гордо выпрямился.

— Э-э... вот что, Михаил. Есть тут автозаправщики поблизости?

— Есть, как не быть, — сказал Михаил Антонович.

— Будет горячее, — сказал Юрковский.

— Будет горячее — будет и Эйнумия, — сказал Быков, встал и пошел к своему креслу. — Ну, мы с Мишей стол накрывали, а ты, генеральный инспектор, прибири.

— Вольтерьянцы, — сказал Юрковский и стал прибирать со стола. Он был очень доволен своей маленькой победой. Быков мог бы и не подчиниться. У капитана корабля, который вез генерального инспектора, тоже были большие полномочия.

Физическая обсерватория «Эйнумия» двигалась вокруг Солнца приблизительно в той точке, где когда-то находился астероид Эйнумия. Гигантская скала диаметром в двести километров была за последние несколько лет почти полностью истреблена в процессе экспериментов. От астероида остался только жиденький рой сравнительно небольших обломков да семисоткилометровое облако космической пыли, огромный серебристый шар, уже слегка растянутый приливной силой. Сама физическая обсерватория мало отличалась от тяжелых искусственных спутников Земли: это была система торов, цилиндров и шаров, связанных блестящими тросами, вращающихся вокруг общей оси. В лаборатории работало двадцать семь физиков и астрофизиков, «крепких, как алмаз, умных, смелых» и зачастую «отчаянно смелых». Самому младшему из них было двадцать пять лет, самому старшему — тридцать четыре.

Экипаж «Эйномии» занимался исследованием космических лучей, экспериментальными проверками единых теорий поля, вакуумом, сверхнизкими температурами, экспериментальной космогонией. Все небольшие астерониды в радиусе двадцати мегаметров от «Эйномии» были объявлены смерть-планетами. Они либо были уже уничтожены, либо подлежали уничтожению. В основном этим занимались космогонисты и релятивисты. Истребление маленьких планеток производилось по-разному. Их обращали в рой щебня, или в тучу пыли, или в облако газа, или во вспышку света. Их разрушали в естественных условиях и в мощном магнитном поле, мгновенно или постепенно, растягивая процесс на декады и месяцы. Это был единственный в солнечной системе космогонический полигон, и если возлезные обсерватории обнаруживали теперь вспыхнувшую новую звезду со странными линиями в спектре, то прежде всего вставал вопрос: где находилась в этот момент «Эйномия» и не в районе ли «Эйномии» вспыхнула новая звезда. Международное управление космических сообщений объявило зону «Эйномии» запретной для всех рейсовых планетолетов.

«Тахмасиб» затормозил у «Эйномии» за два часа до начала очередного эксперимента. Релятивисты собирались превратить в излучение каменный обломок величиной с Эверест и с массой, определенной с точностью до нескольких граммов. Очередная смерть-планета двигалась на периферии полигона. Туда уже были посланы десять космоскафов с наблюдателями и приборами, и на обсерватории осталось всего два человека — начальник и дежурный диспетчер.

Дежурный диспетчер встретил Юрковского и Юру у кессона. Это был долговязый, очень бледный веснушчатый человек. Глаза у него были бледно-голубые и равнодушные.

— Э... здравствуйте, — сказал Юрковский. — Я Юрковский, генеральный инспектор МУКСа.

По всей видимости, голубоглазому человеку было не впервой встречать генеральных инспекторов. Он спокойно, не торопясь оглядел Юрковского и сказал:

— Что ж, заходите.

По-видимому, генеральные инспектора накатывают на «Эйномию» не реже трех раз в сутки: к завтраку, к обеду и ужину. Голубоглазый спокойно повернулся спиной к Юрковскому и, клая магнитными подковами, пошел по коридору.

— Постойте! — вскричал Юрковский. — А где здесь... э-э... начальник?

Голубоглазый, не оборачиваясь, сказал:

— Я вас веду.

Юрковский и Юра поспешили за ним. Юрковский вполголоса приговаривал:

— Странные, однако... э-э... порядки. Удивительные...

Голубоглазый открыл в конце коридора круглый люк и полез в него. Юрковский и Юра услышали:

— Костя, к тебе пришли...

Было слышно, как кто-то кричал звонким веселым голосом:

— Шестой! Сашка! Куда ты лезешь, безумный? Пожалей своих детей! Отскочи на сто километров, там опасно! Третий!

Третий! Тебе ж русским языком было сказано! Держись в строю со мной! Там, где ты есть, тебя не нужно! Тебя нужно, где тебя нет! Шестой, не ворчи на начальство! Начальство проявило заботу, а ему уже нудно!..

Юрковский и Юра пролезли в небольшую комнату, плотно уставленную приборами. Перед вогнутым экраном висел сухощавый, очень смуглый парень лет тридцати, в синих брюках со складкой, в белой рубашке, с черным галстуком.

— Костя, — сказал голубоглазый и замолчал.

Костя повернул к вошедшим веселое красивое лицо с горбатым носом, несколько секунд рассматривал их, затем снова отвернулся к экрану. На экране медленно перемещались по линиям координатной сетки несколько ярких разноцветных точек.

— Девятый, зачем ты остановился? Что, у тебя пропал энтузиазм? А ну, прогуляйся еще чуть вперед... Шестой, ты делаешь успехи. Я от тебя уже заболел. Ты что, полетел домой, на Землю? Вернись на двадцать километров, я все прощу.

Юрковский солидно кашлянул. Веселый Костя выдернул из правого уха блестящий шарик и, повернувшись к Юрковскому, спросил:

— Кто вы, гости?

— Я Юрковский, — очень веско сказал Юрковский.

— Какой Юрковский? — весело и нетерпеливо спросил Костя. — Я знал одного, он был Владимир Сергеевич.

— Это я, — сказал Юрковский.

Костя очень обрадовался.

— Если вы не шутите, — сказал он, — то встаньте вон к тому пульту. Будете крутить четвертый верньер — на нем написано по-арабски «четыре», чтобы вон та звездочка не выходила из вон того кружочка. У вас это получится.

— Но позвольте, однако... — сказал Юрковский.

— Только не говорите мне, что вы не поняли, — закричал Костя. — А то я в вас разочаруюсь.

Голубоглазый подлил к нему и начал что-то шептать. Костя выслушал и заткнул ухо блестящим шариком.

— Пусть ему от этого будет лучше, — сказал он и звонко закричал: — Наблюдатели, слушайте меня, я опять команду! Все сейчас стоит хорошо, как запорожцы на картине у Репина! Только не хлопайте друг друга по голой спине и не сайтесь больше управления! Выключаюсь на две минуты. — Он снова выдернул блестящий шарик. — Так вы стали генеральным инспектором, Владимир Сергеевич? — сказал он.

— Да, стал, — сказал Юрковский. — И я...

— А кто этот молодой юноша? Он тоже генеральный инспектор? Эзра, — он повернулся к голубоглазому, — пусть Владимир Сергеевич держит ось, а мальчику ты дай что-нибудь. Ему полезно поиграть. Лучше всего поставь его к своему экрану, и пусть он посмотрит, как дяди делают бах.

— Может быть, мне все-таки дадут здесь сказать два слова? — спросил Юрковский в пространство.

— Конечно, говорите, — сказал Костя. — У вас еще целых девяносто секунд.

— Я хотел... э-э... попасть на один из космоскафов, — сказал Юрковский.

— Ого! — сказал Костя. — Лучше бы вы захотели колесо от троллейбуса. А еще лучше, если бы вы захотели крутить верньер номер четыре. На космоскафы нельзя даже мне. Там все занято, как на концерте Блюмберга. А старательно поворачивая верньер, вы увеличиваете точность эксперимента на полтора процента.

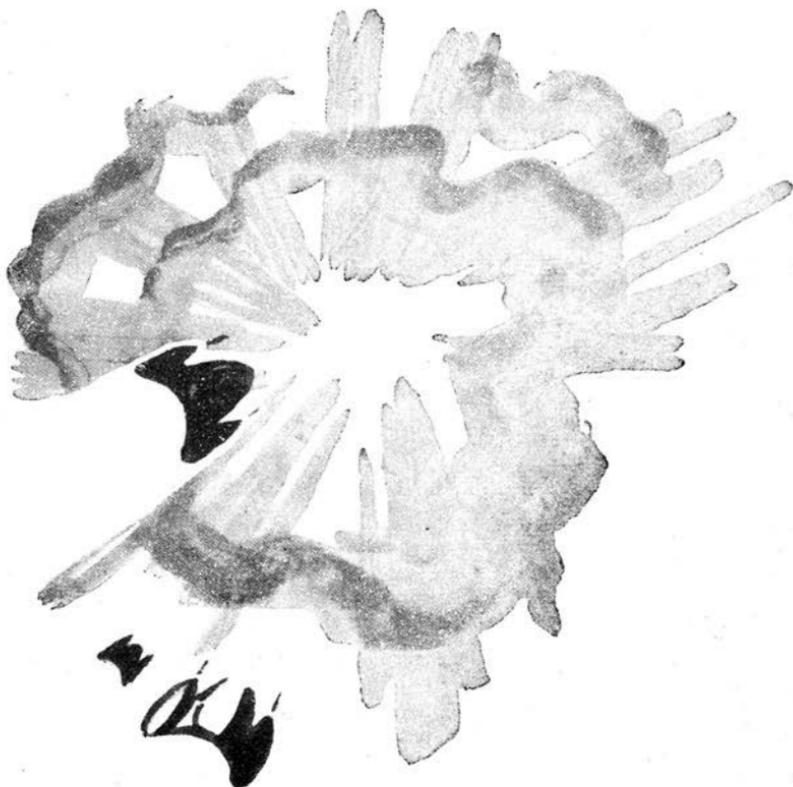
Юрковский величественно, в три разделения, пожал плечами.

— Ну, хорошо, — сказал он. — Я вижу, мне придется... А почему... э-э... у вас это не автоматизировано?

Костя уже вставлял в ухо блестящий шарик. Долговязый Эзра прогудел, как в бочку:

— Вышло. Из строя. Некогда. Ждать.

Он включил большой экран и поманил к себе Юру пальцем. Юра подошел к экрану и оглянулся на Юрковского. Юрковский, скорбно перекосив брови, держался за верньер и глядел на экран, перед которым стоял Юра. Юра тоже стал глядеть на эк-

ран. На экране светилось несколько ярких округлых пятен, похожих не то на кляксы, не то на репейник. Эзра ткнул в одно из пятен костлявым пальцем.

— Космоскаф, — сказал он.

Костя опять начал командовать:

— Наблюдатели, вы еще не спите? Что там у вас тянется? Ах, время? Стори со стыда, Саша, ведь осталось всего три минуты. Корыто? Это к нам прибыл генеральный инспектор. Зачем он прибыл, я не знаю. Сейчас он держит ось. Его уговорил Эзра. Не надо смеяться, вы мне сглазите весь опыт. Внимание, я стал серьезным. Осталось тридцать... двадцать девять... двадцать восемь... двадцать семь...

Эзра ткнул пальцем в центр экрана.

— Сюда, — сказал он.

Юра уставился в центр. Там ничего не было.

— ... пятнадцать, четырнадцать... Владимир Сергеевич, держите ось... десять... девять...

Юра смотрел во все глаза. Эзра тоже вертел верньер, должно быть, тоже держал какую-нибудь ось.

— ...три... два... один... ноль!

В центре экрана вспыхнула яркая белая точка. Затем экран сделался белым, потом ослепительным и черным. Где-то над потолком пронзительно и коротко проверещали звонки. Вспыхнули и погасли красные огоньки на пульте возле экрана. И снова на экране появились округлые пятна, похожие на репейник.

— Все, — сказал Эзра и выключил экран.

Костя ловко спустился на пол.

— Ось можно больше не держать, — сказал он. — Раздевайтесь, я начинаю прием.

— Что такое? — спросил Юрковский.

Костя достал из-под пульта коробочку с пилюлями.

— Одолжайтесь, — сказал он. — Это, конечно, не шоколад, но зато полезнее.

Эзра подошел и молча взял две пилюли. Одну он протянул Юре. Юра нерешительно посмотрел на Юрковского.

— Я спрашиваю, что это? — повторил Юрковский.

— Гамма-радиофаг, — объяснил Костя. Он оглянулся на Юру. — Кушайте, кушайте, юноша, — сказал он. — Вы сейчас получили четыре рентгена, и с этим нужно считаться.

— Да, — сказал Юрковский. — Верно.

Он протянул руку к коробочке. Юра положил пилюлю в рот. Пилюля была горькая, как хина.

— Так чем же мы можем помочь генеральному инспектору? — осведомился Костя, пряча коробочку обратно под пульт.

— Собственно, я хотел... э-э... присутствовать при эксперименте, — сказал Юрковский, — ну и заодно... э-э... выяснить положение на станции... нужды работников... жалобы, наконец... Что? Вот, я вижу, лаборатория плохо защищена от излучений... Тесно... Плохая автоматизация, устаревшее оборудование... Что?

Костя сказал со вздохом:

— Да, это правда, правда горькая, как гамма-радиофаг. Но если вы меня спросите, на что я жалуюсь, я вам вынужден буду ответить, что я ни на что не жалуюсь. Конечно, жалобы есть. Как в этом мире можно без жалоб? Но это не наши жалобы,

это жалобы на нас. И согласитесь, что будет смешно, если я вам, генеральному инспектору, стану рассказывать, за что на нас жалуются. Кстати, вы не хотите кушать? Очень хорошо, что вы не хотите. Попробуйте поискать что-нибудь съедобное в нашем погребе, и вы узнаете, каково было слепому, что ночью искал в темной комнате свою черную шляпу, которую он забыл купить в прошлом году! Ближайший продовольственный танкер придет сегодня вечером или завтра днем, и это, поверьте мне, очень грустно, потому что мои босяки привыкли есть каждый день, и никакие ошибки снабжения не могут их от этого отучить. Ну, а если вы серьезно хотите узнать мое мнение о жалобах, то я скажу вам все коротко и ясно, как любимой девушке: эти дипломированные кое-какеры из нашего дорогого МУКСа всегда на что-нибудь жалуются. Если мы работаем быстро, то они жалуются, что мы работаем быстро и быстро изнашиваем драгоценное, оно же уникальное, оборудование, что у нас все горит и что они не успевают. А если мы работаем медленно.. Впрочем, что я говорю? Еще не было такого оригинала, который бы жаловался, что мы работаем медленно. Кстати, Владимир Сергеевич, вы же были порядочным планетологом, мы же все учились по вашим роскошным книжкам и всяким там отчетам! Для чего же вы попали в МУКС да еще занялись генеральной инспекцией?

Юрковский ошеломленно смотрел на Костю. Юра кусал губы, чтобы не рассмеяться непочтительно. Только Эзра стоял и совершенно равнодушно моргал желтыми коровьими ресницами.

— Э-э-э... — затянул Юрковский. — Собственно, почему же нет?

— Я вам объясню, почему нет, — сказал Костя, толкая его пальцами в грудь. — Вы же были хороший ученый, вы же были папа и мама современной планетологии! Из вас же с детства бил фонтан идей, как из Самсона в Петро дворце! Что гигантские планеты должны иметь кольца, что планеты могут конденсироваться без центрального светила, что кольцо Сатурна имеет искусственное происхождение — спросите у Эзры, кто это все придумал? Эзра вам сразу скажет: Юрковский! И вы отдали все эти лакомые куски на растерзание всякой макрели, а сами подались в кое-какеры!

— Ну что вы! — сказал Юрковский благодушно. — Я всего лишь... э-э... простой ученый...

— Были вы простым ученым! Теперь вы, извините за выражение, простой генеральный инспектор. Ну, вот скажите мне серьезно: зачем вы приехали сюда? Ни спросить вы ничего толком не можете, ни посоветовать, я уж не говорю, чтобы помочь. Ну, скажем, я в порядке вежливости поведу вас по лабораториям, и мы станем ходить, как два лунатика, и уступать друг другу дорогу перед люками. И мы будем вежливо молчать, потому что вы не знаете, как спросить, а я не знаю, как ответить. Это ж нужны все двадцать семь человек, чтобы объяснить, что делается на станции, а двадцать семь сюда не влезут даже из уважения к генеральному инспектору, потому что тесно и один у нас даже живет в лифте. И потом вы все равно не Гейзенберг и поймете не больше половины. Другое дело, если бы приехал планетолог Юрковский и сказал бы: «Костя! Мне нужно, чтоб вы

экспериментально обосновали мою новую роскошную идею. Давайте займемся, Костя!» Тогда бы я уступил бы вам свою койку, а сам бы занял аварийный лифт, и мы бы с вами работали до тех пор, пока бы все не стало ясно, как весеннее утро! А вы приезжаете собирать жалобы. Какие могут быть жалобы у человека, имеющего интересную работу?

Юра все время с тревогой поглядывал на Юрковского, ожидая, что вот-вот разразится гром. Однако лицо Юрковского становилось все более задумчивым и даже грустным.

— Да, — сказал он. — Вы, пожалуй, правы... э-э... Костя. Мне действительно не следовало приезжать сюда в таком... э-э... качестве. И я вам... э-э... завидую, Костя. С вами я с удовольствием бы поработал. Но... э-э... есть станции и есть... э-э... станции. Вы себе представить не можете, Костя, сколько безобразий еще у нас в системе. И поэтому планетологу Юрковскому пришлось... э-э... сделаться генеральным инспектором Юрковским.

В коридоре что-то лязгнуло и загрохотало. Послышалось беспорядочное клацанье магнитных подков. Кто-то завопил:

— Костя-а! Есть упреждение-е! На три миллисекунды!..

— О! — сказал Костя. — Это идут мои работники, сейчас они потребуют кушать. Эзра, — сказал он, — как им помягче сказать, что танкер будет завтра?

— Костя, — сказал Юрковский, — я вам дам ящик консервов.

— Шутите! — обрадовался Костя. — Вы — бог. Вдвое подаст тот, кто подает вовремя. Считайте, что я вам должен два ящика консервов!

В люк один за другим протиснулись четверо, и в помещении сразу стало негде повернуться. Юру затиснули в угол и огордили широкими спинами. По-настоящему хорошо он мог видеть только худой вихрастый затылок Эзры, чей-то зеркально выбритый череп и еще один затылок, мускулистый, с фиолетовыми следами фурункулов. Кроме того, Юра видел ноги — они располагались над головами, и гигантские ботинки с блестящими стертymi подковами осторожно шевелились в двух сантиметрах от бритого черепа. В просветы между спинами и затылками Юра видел иногда горбоносый Костин профиль и густобородатое лицо четвертого работника. Юрковского видно не было, вероятно, его тоже затерли. Говорили все сразу.

— Разброс точек очень маленький. Я считал насоро, но три миллисекунды, по-моему, совершенно бесспорно...

— Но все-таки три, а не шесть!

— Не в этом дело! Важно, что за пределами ошибок!

— Марс бы взорвать, вот это была бы точность.

— Да, брат, тогда можно было бы половину гравископов убрать.

— Ненавистный прибор — гравископ. И кто его такого выдумал!

— Скажи спасибо, что хоть такие есть. Знаешь, как мы это раньше делали?

— Скажите, ему уже не нравятся гравископы!

— А поесть дадут?

— Кстати, о еде. Костя, радиофаг мы весь съели.

— Да, да, хорошо, что ты вспомнил. Костя, выдай нам таблеток.

— Ребята, я, кажется, наврал. Не три миллисекунды, а четыре.

— Болтовня это все. Отдай Эзре, Эзра подчитает как следует.

— Правильно... Эзра, вот возьми, голуба, ты у нас самый хладнокровный, а то у меня руки от жадности трясутся.

— Вспышка была сегодня красоты изумительной. Я чуть не ослеп. Люблю взрывы на аннигиляцию! Чувствуешь себя таким творцом, человеком будущего...

— Послушай, человек будущего, я тебя поздравляю, у тебя опять на щеке преогромный фурункул.

— А, шут его подери... Когда они меня в покое оставят?

— Ты же обещал, что больше не будешь.

— Милый Костя, очень легко выдумывать обещания, гораздо труднее их выполнять. Но в общем-то, конечно, надо быть осторожнее.

— Ничего, залечим.

— Слушай, Костя, что это Франта говорит, что теперь будут только очаговые взрывы? А как же мы?

— А у тебя есть совесть? Ты что, воображаешь, что это гравитационная обсерватория? А космогонисты тебе так, мальчики? Такое богатое воображение иметь опасно.

— Ой, Фанас, не ввязывайся в этот спор. Все-таки Костя начальник. А зачем существует начальник? Чтобы все было справедливо.

— Какой же тогда смысл иметь начальником своего человека?

— Ого! Я уже не гожусь в начальники? Это что, бунт? Где мои ботфорты, брабантские манжеты и пистолеты?

— Между прочим, я бы поел.

— Сосчитал, — сказал Эзра.

— Ну?

— Не торопите его, он не может так быстро.

— Три и восемь.

— Эзра! Каждое твое слово — золото!

— Ошибка плюс-минус два и два.

— Как сегодня словоохотлив наш Эзра!

— Три и восемь, ребята, это значит, что мы утерли нос этому кое-какеру из Ленинграда. Как бишь его...

— Отличное начало. Сейчас бы только поесть и взяться за дело по-настоящему.

— Он врет, что у него есть две банки консервов. Он сейчас их ищет у себя в старых бумагах. Устроим пиршество тощих по банке на четырнадцать человек.

— Тихо, ученые, и я вас поражаю.

— А про какие консервы врал Валерка?

— По слухам, там у него банка компота из персиков и банка кабачков...

— Колбаски бы...

— Меня здесь будут слушать или нет? Смирно, вы, ученые! Вот так. Могу вам сообщить, что среди нас имеется один генеральный инспектор — Юрковский Владимир Сергеевич. Он жалуется нам ящик консервов со своего стола!

— Ну-у?! — сказал кто-то.

— Нет, это даже не остроумно. Кто же так шутит?

Откуда-то из-за угла послышалось:

— Э-э... Здравствуйте...

— Ба! Владимир Сергеевич? Как же мы вас не заметили?

— Охамели мы здесь, братцы смерть-планетчики!

— Владимир Сергеевич! Про консервы — это правда?

— Истинная правда, — сказал Юрковский.

— Ура!

— И еще раз...

— Ура!

— И еще раз...

— Ур-р-а-а!

— Консервы мясные, — сказал Юрковский.

По комнате пронесся голодный стон.

— Эх, ну почему здесь невесомость? Качать надо такого человека. На руках носить!

В открытый люк просунулась еще одна борода.

— Что вы тут разорались? — сумрачно спросила она. — Упреждение получили, а что есть нечего, вы знаете? Танкер только завтра приковыляет.

Некоторое время все смотрели на бороду. Потом человек с фурункулами сказал задумчиво:

— Узнаю космогониста по изящным словесам.

— Ребята, а ведь он голоден.

— Еще бы! Космогонисты всегда голодны!

— И не послать ли его за консервами?

— Павел, друг мой, — сказал Костя. — Сейчас ты пойдешь за консервами. Пойди надень вакуум-скафандр.

Бородатый Павел подозрительно на него посмотрел.

— Юра, — сказал Юрковский, — проводи товарища на «Тихомасиб». Впрочем, ладно, я сам схожу.

— Здравствуйте, Владимир Сергеевич, — сказал бородатый, расплываясь. — Как это вы к нам?

Он отступил от люка, давая Юрковскому дорогу. Они вышли.

— Хороший человек Юрковский. Добрый человек.

— А зачем нас инспектировать?

— Он приехал не инспектировать. Я понял так, что ему просто любопытно.

— Тогда пусть.

— Зря я при нем про фурункулы распространялся.

— А нельзя, чтобы он похлопотал насчет расширения программы?

— Расширение программы — ладно. А вот не сократил бы он штаты. Пойду уберу свою постель из лифта.

— Да, инспектора не любят, чтобы жили в лифтах.

— Ученые, не пугайтесь. Я ему уже все рассказал. Он не такой. Это же Юрковский!

— Ребята, пойдете искать столовую. В библиотеку, что ли?

— В библиотеке космогонисты все заставили.

Все по очереди стали вылезать через люк. Тогда человек с фурункулами подошел к Косте и сказал тихо:

— Дай-ка мне еще одну пилюлю, Костя. Мутит меня что-то.

Эйномия осталась далеко позади. «Тахмасиб» держал курс на астеронд Бамбергу — в царство таннственной «Спэйс Перл Лимитэд». Юра проснулся глубокой ночью: болел и чесался укол под лопаткой, ужасно хотелось пить. Юра услышал тяжелые неровные шаги в коридоре. Ему показалось даже, что он слышит сдавленный стон. «Привидения, — подумал он с досадой. — Только этого еще и не хватало!» Не слезая с койки, он приоткрыл дверь и выглянул. В коридоре, странно скособоившись, стоял Юрковский в своем великолепном халате. Лицо у него обрюзгло, глаза были закрыты. Он тяжело и часто дышал искривленным ртом.

— Владимир Сергеевич! — испуганно позвал Юра. — Что с вами?

Юрковский быстро открыл глаза и попробовал выпрямиться, но его снова согнуло.

— Ти-хо! — сказал он угрожающе и торопливо, весь искривившись, пошел к Юре. Юра отодвинулся и пропустил его в каюту. Юрковский плотно притворил за собою дверь и осторожно сел рядом с Юрой.

— Ты чего не спишь? — сказал он трудным шепотом.

— Что с вами, Владимир Сергеевич? — пробормотал Юра. — Вам плохо?..

— Ерунда, печень, — Юра с ужасом смотрел на его судорожно прижатые к бокам, словно оцепеневшие руки. — Всегда она, подлая, после лучевого удара... А все-таки не зря мы бывали на Эйномии. Вот они, люди, Юра! Настоящие люди! Работники. Чистые. И никакие кое-какеры им не помешают, — он осторожно откинулся спиной к стене, и Юра торопливо подсунул ему подушку. — Смешное слово «кое-какеры», правда, Юра? А вот скоро мы увидим других людей... Совсем других... Гнилушки, дрянь... Хуже марсианских пнявок... Ты-то их, конечно, не увидишь, а вот мне придется... — он закрыл глаза. — Юра... ты прости... я, может быть, тут... засну... Я принял... лекарство... Если засну... иди... спать ко мне...

БАМБЕРГА. НИЩИЕ ДУХОМ

Бэла Барабаш перешагнул через комингс и плотно прикрыл за собой дверь. На двери красовалась черная пластмассовая табличка «Управляющий шахтами Бамберги. «Спэйс Перл Лимитэд». «Сволочь скользкая», — подумал Бэла. Табличка была расколота. Еще вчера она была цела. Пуля попала в левый нижний угол таблички, и трещина проходила через заглавную букву «Б». «Подлый слизняк», — подумал Бэла. «Уверю вас, на копах нет никакого оружия. Только у вас, мистер Барабаш, да у полицейских. Даже у меня нет». Мерзавец!

Коридор был пуст. Прямо перед дверью висел жизнерадостный плакат: «Помни, ты — пайщик. Интересы компании — твой интерес». Бэла взялся за голову, закрыл глаза и некоторое время постоял так, слегка покачиваясь. «Боже мой! — подумал он. — Когда же все это кончится? Когда меня отсюда уберут? Ну какой я комиссар? Ведь я же ничего не могу. У меня сил больше нет. Вы понимаете? У меня больше нет сил. Заберите меня отсюда, пожалуйста. Да, мне очень стыдно и все такое. Но больше я не могу».

Где-то с лязгом захлопнулся люк. Бэла опустил руки и побрел по коридору. Мимо осточертевших рекламных проспектов на стенах. Мимо запертых кают инженеров. Мимо высоких узких дверей полицейского отделения. Интересно, в кого могли стрелять на этаже администрации? «Конечно, мне не скажут, кто стрелял. Но, может быть, узнаю, в кого стреляли?» Бэла вошел в комнату полицейских. За столом, подперев щеку рукой, дремал сержант Хиггинс, начальник полиции и один из трех полицейских шахты Бамберги. На столе перед Хиггинсом стоял микрофон, справа — рация, слева лежал журнал в пестрой обложке.

— Здравствуйте, Хиггинс, — сказал Бэла.

Хиггинс открыл глаза.

— Добрый день, мистер Барабаш.

Голос у него был мужественный, но немножко сиплый.

— Что нового, Хиггинс?

— Пришла «Гея», — сказал Хиггинс. — Привезли почту. Жена пишет, что очень скучает. Как будто я не скучаю. Вам тоже есть четыре пакета. Я сказал, чтобы вам занесли. Я думал, что вы у себя.

— Спасибо, Хиггинс. Вы не знаете, кто сегодня стрелял на этом этаже?

Хиггинс подумал.

— Что-то я не помню, чтобы сегодня стреляли, — сказал он.

— А вчера вечером? Или ночью?

Хиггинс сказал неохотно:

— Ночью кто-то стрелял в инженера Мейера.

— Это сам Мейер вам сказал? — спросил Барабаш.

— Меня не было. Я дежурил в салуне.

— Видите ли, Хиггинс, — сказал Барабаш. — Я сейчас был

у управляющего. Управляющий в десятый раз заверил меня, что оружие здесь имеется только у вас, у полицейских.

— Очень может быть.

— Значит, в Мейера стрелял кто-нибудь из ваших подчиненных?

— Не думаю, — сказал Хиггинс. — Том был со мной в салуне, а Конрад... Зачем Конраду стрелять в инженера?

— Значит, оружие есть у кого-нибудь еще?

— Я его не видел, мистер Барабаш, этого оружия. Если бы видел, отобрал бы. Потому что оружие запрещено. Но я его не видел.

Бэла вдруг стало все совершенно безразлично.

— Ладно, — вяло сказал он. — В конце концов следить за законностью — дело ваше, а не мое. Мое дело информировать МУКС о том, как вы справляетесь со своими задачами.

Он повернулся и вышел. Он спустился в лифте на второй этаж и пошел через салун. В салуне никого не было. Вдоль стен мигали желтыми огоньками продавцы-автоматы. «Напитаться, что ли? — подумал Бэла. — Нализаться, как свинья, лечь в постель и проспаться двое суток. А потом встать и опять напиться». Он прошел салун и пошел по длинному широкому коридору. Коридор назывался «Бродвеем» и тянулся от салуна до уборных. Здесь тоже висели плакаты, напоминавшие о том, что «интересы компании — твои интересы», висели программы кино на ближайшую декаду, биржевые бюллетени, лотерейные таблицы, висели таблицы бейсбольных и баскетбольных соревнований, проводившихся на Земле, и таблицы соревнований по боксу и по вольной борьбе, проводившихся здесь, на Бамберге. На «Бродвей» выходили двери обоих кинозалов и дверь библиотеки. Спортзал и церковь находились этажом ниже. По вечерам на «Бродвее» было не протолкнуться, и глаза слепили разноцветные огни бессмысленных реклам. Впрочем, не так уж и бессмысленных: они ежевечерне напоминали рабочему, что ждет его на Земле, когда он вернется к родным пенатам с набитым кошельком.

Сейчас на «Бродвее» было пусто и полутемно. Бэла свернул в один из коридоров. Справа и слева потянулись одинаковые двери. Здесь располагались общежития. Из дверей тянуло запахом табака и одеколona. В одной из комнат Бэла увидел лежащего на койке человека и зашел. Лицо лежавшего было облеплено пластырем. Одинокий глаз грустно смотрел в низкий потолок.

— Что с тобой, Джошуа? — спросил Бэла, подходя.

Печальный глаз Джошуа обратился на него.

— Лежу, — сказал Джошуа. — Мне следует быть в шахте, а я лежу. И каждый час теряю уйму денег. Я даже боюсь подсчитать, сколько я теряю.

— Кто тебя побил?

— Почему я знаю? — ответил Джошуа. — Напился вчера так, что ничего не помню. Черт меня дернул... Целый месяц крепился. А теперь вот пропил дневной заработок, лежу и еще буду лежать. — Он снова печально уставился в потолок.

— Да, — сказал Бэла.

«Ну вот, что ты с ним сделаешь, — подумал он. — Убеж-

дать его, что пить вредно, — он и сам это знает. Когда он встанет, то будет сидеть в шахте по четырнадцать часов, чтобы наверстать упущенное. А потом вернется на Землю, и у него будет прогрессивный паралич, и никогда не будет детей, или будут рождаться уроды».

— Ты знаешь, что работать в шахте больше шести часов опасно? — спросил Бэла.

— Идите вы... — тихо сказал Джошуа. — Не ваше это дело. Не вам работать.

Бэла вздохнул и сказал:

— Ну что ж, поправляйся.

— Спасибо, мистер комиссар, — проворчал Джошуа. — Не о том вы заботитесь. Позаботьтесь лучше, чтобы салун прикрыли. И чтобы самогонщиков нашли.

— Ладно, — сказал Бэла. — Попробую.

«Вот, — думал он, направляясь к себе. — А попробуй закрой салун, и ты же сам будешь орать на митингах, что всякие коммунисты лезут не в свое дело. Как тебя убедить?»

Он вошел в свою комнату и увидел, что там сидит инженер Сэмюэль Ливингтон. Инженер читал старую газету и ел бутерброды. На столе перед ним лежала шахматная доска с расставленными фигурами. Бэла поздоровался и устало уселся за стол.

— Сыграем? — предложил инженер.

— Сейчас, я только посмотрю, что мне прислали.

Бэла распечатал пакеты. В трех пакетах были книги, в четвертом — письмо от матери и несколько открыток с видами Нового Пешта. На столе лежал еще розовый конвертик. Бэла знал, что в этом конвертике, но все-таки распечатал его. «Мистер комиссар! Убирайся отсюда к чертовой матери. Не мути воду, пока цел. *Доброжелатели*». Бэла вздохнул и отложил записку. Надо смерить температуру и принять какую-нибудь таблетку.

— Ходите, — сказал он.

Инженер двинул пешку.

— Опять неприятности? — спросил он.

— Да.

Он в молчании разыграл защиту Каро—Канн. Инженер получил небольшое позиционное преимущество. Бэла взял бутерброд и стал задумчиво жевать, глядя на доску.

— Вы знаете, Бэла, — сказал инженер, — когда я впервые увижу вас веселым, я скажу, что проиграл идеологическую войну.

— Вы еще увидите, — пообещал Бэла.

— Нет, — сказал инженер. — Посмотрите вокруг, вы сами видите, что ваше дело безнадежное.

— Ну, это нам двадцать раз сулили за последние сто лет.

— Шах, — сказал инженер. — Я, собственно, имел в виду положение здесь, на Бамберге. Смешно было считать, что вы не сможете выиграть в политической и экономической войне. Но есть сила, которую побороть непросто. Это маленький глупый и жадный хозяйчик. Собственник. Да, вы, марксисты, свалили фашизм, империализм, колониализм, все это так. Но теперь вы остались лицом к лицу с мещанами, и я вам не завидую... Еще шах.

— Не советую, — сказал Бэла.

— А в чем дело?

— Я закроюсь на «же восемь», и у вас висит ферзь.

Инженер некоторое время размышлял.

— Да, пожалуй, — сказал он. — Шаха не будет.

— Глупо отрицать вредоносность мещанства, — сказал Бэла. — Не для коммунизма, а для всего человечества опасна идеология маленького эгоиста. И прежде всего поэтому мы ведем борьбу против мещанства. И скоро вы вынуждены будете начать такую войну просто для того, чтобы не задохнуться в собственном навозе. Помните поход учителей в Вашингтон в позапрошлом году?

— Помню, — сказал Ливингтон. — Толькё, по-моему, бороться с мещанством — это все равно, что резать воду ножом.

— Инженер, — насмешливо сказал Бэла. — Это утверждение столь же голосовно, как Апокалипсис. Вы просто пессимист. Как это там... «Преступники возвысятся над героями, мудрецы будут молчать, а глупцы будут говорить, ничто из того, что люди думают, не осуществится».

— Ну что ж, — сказал Ливингтон. — Я, конечно, пессимист. С чего это мне быть оптимистом?

— Время нищих духом прошло, — сказал Бэла. — Оно давно миновало, как сказано в том же Апокалипсисе.

Дверь запахнулась, и на пороге остановился высокий человек с залысым лбом и бледным, слегка обрюзгшим лицом. Человек шагнул в комнату.

— Я генеральный инспектор МУКСа, — сказал он. — Моя фамилия Юрковский.

Бэла встал. Инженер тоже почтительно встал. За Юрковским в комнату вошел громадный загорелый человек в мешковатом синем комбинезоне. Он скользнул взглядом по Бэле и стал смотреть на инженера.

— Прошу меня извинить, — сказал инженер и вышел. Дверь за ним закрылась. Пройдя несколько шагов по коридору, инженер остановился и задумчиво засвистел. Затем он достал сигарету и закурил. «Так, — подумал он. — Идеологическая борьба на Бамберге входит в новую фазу. Надо срочно принять меры».

Размышляя, он пошел по коридору, все ускоряя шаг. В лифт он уже почти вбежал. Поднявшись на самый верхний этаж, он направился в радиорубку. Дежурный радист посмотрел на него с удивлением.

— Что случилось, мистер Ливингтон? — спросил он.

Ливингтон провел ладонью по мокрому лбу.

— Я получил плохие вести из дому, — сказал он отрывисто. — Когда ближайший сеанс с Землей?

— Через полчаса, — сказал радист.

Ливингтон присел к столику, вырвал из блокнота лист бумаги и быстро написал радиограмму.

— Отправьте срочно, Майкл, — сказал он, протягивая листок радисту. — Это очень важно.

Радист взглянул на листок и удивленно свистнул.

— Зачем это вам понадобилось? — спросил он. — Кто же продает «Спэйс Перл» в конце года?

— Мне срочно нужны наличные, — сказал инженер и вышел.

Радист положил листок перед собой и задумался.

Юрковский сел и отодвинул локтем шахматную доску. Жилин сел в стороне.

— Осрамились, товарищ Барабаш, — сказал Юрковский негромко.

— Да, — сказал Бэла. — Эта работа не по мне.

— Откуда на Бамбергу попадает спирт, вы выяснили?

— Нет. Скорее всего, спирт гонят прямо здесь.

— За последний год компания отправила на Бамбергу четыре транспорта с прессованной клетчаткой. Для каких работ на Бамберге нужно столько клетчатки?

— Не знаю, — сказал Бэла. — Не знаю таких работ.

— Из клетчатки гонят спирт. Кто на Бамберге имеет оружие? — спросил Юрковский.

— Я не мог выяснить, — сказал Бэла.

— Но оружие все-таки есть?

— Да.

— Кто санкционирует сверхурочные работы?

— Их никто не запрещает.

Бэла сжал руки.

— К этой сволочи я обращался двадцать раз. Он ни о чем не желает слушать. Он ничего не видит, не слышит и не понимает. Он очень сожалеет, что у меня плохие источники информации. Знаете что, Владимир Сергеевич, либо вы меня отсюда немедленно снимайте, либо дайте мне полномочия хватать за шиворот гадов. Я ничего не могу сделать. Я вразумлял. Я просил. Я угрожал. Это стена. Для всех рабочих комиссар МУКСа — «красное пугало». Разговаривать со мной никто не желает. Плевать они хотели на международное трудовое законодательство. Я больше так не могу. Видели плакаты на стенах?

Юрковский задумчиво вертел в пальцах белого ферзя.

— Здесь не на кого опереться, — продолжал Бэла. — Это либо бандиты, либо тихая дрянь, которая мечтает только о том, чтобы набить свой карман, и ей наплевать, слохнет она после этого или нет. Ведь настоящие люди сюда не идут. Отбросы, неудачники. Люмпены. У меня руки трясутся по вечерам от всего этого. Я не могу спать. Позавчера меня пригласили подписать протокол о несчастном случае. Я отказался: совершенно ясно, что человеку вспороли скафандр автогенном. Тогда эта сволочь, секретарь профсоюза, сказал, что будет на меня жаловаться. Месяц назад на Бамберге появляются и в то же утро исчезают три девицы. Я иду к управляющему, и этот стервец смеется мне в лицо: «У вас галлюцинации, мистер комиссар, вам пора вернуться к вашей жене, вам уже мерещатся девки». В конце концов в меня трижды стреляли. Да, да, я знаю, что ни один дурак не старался в меня попасть. Но мне от этого не легче. И подумать только, меня посадили сюда, чтобы охранять жизнь и здоровье этих оборотов! Да провались они все...

Бэла замолчал и хрустнул пальцами.

— Ну-ну, спокойно, Бэла, — сказал строго Юрковский.

— Разрешите мне уехать, — сказал Бэла. — Вот товарищ, — он указал на Жилина, — это, вероятно, новый комиссар...

— Это не новый комиссар, — сказал Юрковский. — Познакомьтесь, бортинженер «Тахмасиба» Жилин.

Жилин слегка поклонился.

— Какого «Тахмасиба»? — спросил Бэла.

— Это наш корабль, — сказал Юрковский. — Вот что мы сейчас сделаем. Мы пойдем к управляющему, и я скажу ему несколько слов. А потом мы поговорим с рабочими. — Он встал. — Ничего, Бэла, не огорчайтесь. Не вы первый. У меня эта Бамберга тоже вот здесь сидит.

Бэла озабоченно сказал:

— Только нужно взять с собой несколько наших. Может случиться драка. Управляющий здесь подкармливает целую шайку гангстеров.

— Каких наших? — спросил Юрковский. — Вы же говорили, что ни на кого здесь положиться не можете.

— Так вы приехали один? — с ужасом спросил Бэла.

Юрковский пожал плечами.

— Ну естественно, — сказал он. — Я же не управляющий.

— Ладно, — сказал Бэла. Он отпер сейф и взял пистолет. Лицо у него было бледное и решительное. «Первую пулю я всажу в этого слизняка, — с острой радостью подумал он. — Пусть в меня стреляет кто угодно, но первую пулю получит мистер Ричардсон. В жирную, гладкую, подлую свою рожу».

Юрковский внимательно посмотрел на него.

— Знаете что, Бэла, — сказал он проникновенно. — Я бы на вашем месте пистолет оставил. Или отдайте его товарищу Жилину. Я боюсь, что вы не удержитесь.

— А вы думаете, он удержится?

— Удержусь, удержусь, — сказал Жилин, улыбаясь.

Бэла с сожалением отдал ему пистолет.

Юрковский открыл дверь и остановился. Перед ним вырос

молодцеватый сержант Хиггинс в свежей парадной форме и в голубой каске. Хиггинс отчетливо взял под козырек.

— Сэр, — сказал он, — начальник полиции шахты Бамберга сержант Хиггинс прибыл в ваше распоряжение.

— Очень рад, сержант Хиггинс, следуйте за нами, — сказал Юрковский.

Они миновали короткий коридор и вышли на «Бродвей». Еще не было шести часов, но «Бродвей» был залит ярким светом и плотно забит рабочими. «Бродвей» гудел от встревоженных голосов. Юрковский шел неторопливо, любезно улыбаясь и внимательно глядя в лица. Он хорошо видел эти лица в ровном свете дневных ламп — осунувшиеся, с нездоровой землистой кожей, с отеками под глазами, апатично-равнодушные, сердитые, любопытные, злобные, ненавидящие. Люди расступались перед ним, давая дорогу, а за спиной Хиггинса снова смыкались и шли следом. Сержант Хиггинс покакивал:

— Дорогу генеральному инспектору! Не напирайте, ребята! Дайте дорогу генеральному инспектору!

Так они дошли до лифта и поднялись на этаж администрации. Здесь толпа была еще гуще. И здесь дорогу уже не уступали. Между усталыми лицами рабочих стали просовываться какие-то нагловатые веселые морды с усиками. Теперь сержант Хиггинс пошел вперед, расталкивая толпу голубой дубинкой.

— Посторонись, — говорил он негромко, — дай дорогу... Посторонись...

Затылок его между краем каски и воротником налился кровью и заблестел от пота. Шествие замыкал Жилин. Нагловатые с усиками протискивались в первые ряды толпы, перекликались:

— Эй, ребята, а кто из них инспектор?

— Не разобрать, они все красные, как томатный сок...

— Они насквозь красные, внутри и снаружи...

— Не верю, хочу посмотреть...

— Посмотри, я тебе мешать не стану...

— Эй, сержант! Хиггинс! Ну и в компанию же ты попал!

Жилину подставили ножку. Он не обернулся, но стал смотреть под ноги. Увидев под собой очередной ботинок из мягкой замши, он старательно, всем весом наступил на него. Рядом взвыли. Жилин посмотрел в перекошенное, побелевшее лицо с усиками и сказал:

— Извините, пожалуйста, какой я неуклюжий!

У него были здоровенные, необычайно тяжелые башмаки с рубчатými магнитными подковами.

Шум вокруг нарастал. Теперь уже кричали все.

— Кто их звал сюда?

— Эй, вы! Не суйтесь не в свое дело!

— Дайте нам работать, как мы хотим! Мы не лезем в ваши дела!

— Убирайтесь к себе домой и там распорядитесь!

Сержант Хиггинс, мокрый как мышь, добрался, наконец, до дверей с треснувшей табличкой и распахнул ее перед Юрковским.

— Сюда, сэр, — тяжело дыша, сказал он.

Юрковский и Бэла вошли. Жилин перешагнул через комингс и оглянулся. Он увидел множество наглых морд с усиками и только за ними, в табачном дыму, хмурые, ожесточенные лица рабочих. Хиггинс тоже перешагнул через комингс и закрыл дверь.

Кабинет управляющего шахтами мистера Ричардсона был обширен. Вдоль стен стояли большие мягкие кресла и стеклянные витрины с образцами пород и с имитациями самых крупных «космических жемчужин», найденных на Бамберге. Из-за стола навстречу Юрковскому поднялся благообразный приятный человек в черном костюме.

— О, мистер Юрковский! — пророкотал он и, обогнув стол, пошел к Юрковскому, протягивая руки. — Я бесконечно рад...

— Не беспокойтесь, — сказал Юрковский, огибая стол с другой стороны. — Руки я вам все равно не подам.

Управляющий остановился, приятно улыбаясь. Юрковский сел за стол и повернулся к Бэле.

— Это управляющий? — спросил он.

— Да, — с наслаждением сказал Бэла. — Это управляющий шахтами мистер Ричардсон.

Управляющий покачал головой.

— О мистер Барабаш! — сказал он укоризненно. — Неужели же вам я обязан такой неприветливостью мистера инспектора?

— Кем выдан патент на управление шахтой? — спросил Юрковский.

— Как это принято в западном мире, мистер Юрковский, советом директоров компании.

— Предъявите.

— Прошу вас, — весьма вежливо сказал управляющий. Он неторопливо пересек комнату, отпер большой сейф, вделанный в стену, достал большой бювар коричневой кожи и извлек из бювара лист плотной бумаги с золотым обрезом. — Прошу вас, — повторил он и положил лист перед Юрковским.

— Заприте сейф, — сказал Юрковский, — и передайте ключи сержанту.

Сержант Хиггинс с каменным лицом принял ключи. Юрковский проглядел патент, сложил его вчетверо и сунул в карман. Мистер Ричардсон продолжал приятно улыбаться. Жилин подумал, что никогда в жизни он не видел человека столь обаятельной наружности. Юрковский положил локти на стол и задумчиво посмотрел на Ричардсона. Ричардсон пророкотал:

— Мне было бы очень приятно узнать, мистер Юрковский, что означают все эти странные действия.

— Вы обвиняетесь в ряде преступлений против международного трудового законодательства, — небрежно сказал Юрковский. Мистер Ричардсон, необычайно удивившись, развел руками. — Вы обвиняетесь в нарушении правовых норм космического пространства. — Изумлению мистера Ричардсона не было границ. — Вы обвиняетесь в убийстве — пока непреднамеренном — шестнадцати рабочих и трех женщин.

— Я? — оскорбленно вскричал мистер Ричардсон. — Я обвиняюсь в убийстве?

— В том числе и в убийстве, — сказал Юрковский. — Я снимаю вас с должности, в ближайшее время вы будете отправлены на Землю, где предстанете перед международным трибуналом. А сейчас я вас не задерживаю.

— Я уступаю грубой силе, — с достоинством сказал мистер Ричардсон.

— И правильно делаете, — сказал Юрковский. — Явитесь сюда через час и сдадите дела своему преемнику.

Ричардсон круто повернулся, подошел к двери и распахнул ее.

— Дети мои! — громко сказал он. — Эти люди меня арестовали! Им не нравятся ваши высокие заработки! Они хотят, чтобы вы работали по шесть часов и оставались нищими!

Юрковский с любопытством глядел на него. Хиггинс, расстегивая кобуру, попятился к столу. Ричардсона отнесло в сторону. В дверь ворвались ревушие молодчики с усиками, их сейчас же оттеснили, и кабинет быстро наполнился рабочими. Плотная стена серых комбинезонов и злобных угрюмых лиц остановилась перед столом. Юрковский осмотрелся и увидел, что Жилин стоит справа от него, засунув руки в карманы, а Бэла, изогнувшись, стиснув руками спинку стула, не отрываясь, смотрит на мистера Ричардсона. Лицо его было гораздо более свирепое, чем лица самых озлобленных рабочих. «Плохо придется управляющему», — мельком подумал Юрковский. Сержант Хиггинс с пистолетом в руке упирался дубинкой в грудь одного из рабочих и бормотал:

— Никаких незаконных действий, ребята, поспокойней, ребята, поспокойней...

Сквозь толпу протолкался облепленный пластырями Джошуа.

— Мы не хотим ни с кем ссориться, мистер инспектор, — прохрипел он, уставясь на Юрковского злобным глазом. — Но мы не допустим здесь этих ваших штук.

— Каких штук? — осведомился Юрковский.

— Мы прилетели сюда, чтобы заработать...

— А мы прилетели сюда, чтобы не дать вам сгнить заживо.

— А я говорю вам, что это не ваше проклятое дело! — зарорал Джошуа. Он повернулся к толпе и спросил: — Верно, ребята?

— У-о-о! — заревела толпа, и в этот момент кто-то выстрелил.

За спиной Юрковского зазвенела, разлетаясь, витрина. Бэла застонал, с натугой поднял стул и обрушил его на голову мистера Ричардсона, который стоял в первом ряду, подняв глаза и молитвенно сложив руки. Жилин вынул руки из карманов и пригнулся на кого-то прыгнуть. Джошуа испуганно отпрянул. Юрковский встал и сердито сказал:

— Какой дурак там стреляет? Чуть не попал в меня. Сержант, что вы стоите, как стул? Отберите у болвана оружие!

Хиггинс послушно полез в толпу. Жилин снова сунул руки в карманы и присел на угол стола. Он посмотрел на Бэлу и засмеялся. Лицо Бэлы сияло блаженством. Он с наслаждением наблюдал за Ричардсоном. Двое молодчиков поднимали Ричардсона, злобно и растерянно поглядывая на Бэлу, на Юрковского и на рабочих. Глаза Ричардсона были закрыты, на высококом гладком лбу разливался темный кровоподтек.

— Кстати, — сказал Юрковский, — вообще сдайте все оружие, которое здесь есть. Это я вам говорю, усатые! С этого момента всякий, у кого будет обнаружено оружие, подлежит расстрелу на месте. Я облакаю комиссара Барабаша соответствующими полномочиями.

Жилин неторопливо обошел стол, вынул пистолет и протянул его Барабашу. Барабаш, пристально уставившись на ближайшего усатенького, медленно оттянул затвор. В наступившей тишине затвор звонко щелкнул. Вокруг усатенького мгновенно образовалось пустое пространство. Усатенький побледнел, вынул из заднего кармана пистолет и бросил на пол. Бэла пинком отшвырнул оружие в угол и повернулся к гангстеру, державшему в объятиях Ричардсона.

— Ты!

Гангстер опустил Ричардсона и, криво улыбаясь, покачал головой.

— У меня нет, — сказал он.

— Ну хорошо, — сказал Юрковский. — Сержант, помогите этим телам разоружиться. Вернемся к нашему разговору. Здесь нас прервали, — сказал он, обращаясь к Джошуа. — Вы, кажется, говорили, чтобы я не вмешивался в ваши дела, так?

Так, — сказал Джошуа. — Мы свободные люди и сами пошли сюда, чтобы заработать. И нечего нам мешать. Мы вам не мешаем, и вы нам не мешайте.

— Вопрос о том, кто кому мешает, мы пока оставим, — сказал Юрковский. — А сейчас я хочу вам кое-что рассказать. — Он достал из кармана и бросил на стол несколько ослепительно сверкающих разноцветных камешков. — Вот так называемый

космический жемчуг, — сказал он. — Вы все его хорошо знаете. Это обыкновенные драгоценные и полудрагоценные камни, которые здесь, на Бамберге, в течение очень долгого времени подвергались воздействию космического излучения и низких температур. Никаких особенных достоинств, если не считать очень красивого блеска, за ними не числится. Богатые дамочки платят за них бешеные деньги, и на этой махровой глупости выросла ваша компания. Пользуясь спросом на эти камни, компания получает большие деньги.

— И мы тоже, — крикнули из толпы.

— И вы тоже, — согласился Юрковский. — Но вот в чем дело. За восемь лет существования компании на Бамберге отработали по трехгодичному контракту около двух тысяч человек. А знаете ли вы, сколько из тех, кто вернулся, осталось в живых? Меньше пятисот. Средний срок жизни рабочего после возвращения не превышает двух лет. Вы три года надрываете пуп тут, на Бамберге, только для того, чтобы потом два года гнить заживо на Земле. Это происходит прежде всего потому, что на Бамберге никогда не соблюдается постановление международной комиссии, запрещающее работать в ваших шахтах больше шести часов в сутки. На Земле вы только лечитесь, страдаете оттого, что у вас нет детей, или рождаете уродов. Это преступление компании, но не о компании сейчас идет речь.

— Подождите, — сказал Джошуа и поднял руку. — Дайте и мне сказать. Все это мы уже слышали. Нам об этом прожужжал уши мистер комиссар. Не знаю, как другим, а мне нет дела до тех, кто помер. Я человек здоровый и помирать не собираюсь.

— Верно, — загудели в толпе. — Пусть сопляки помирают.

— Дети там, не дети — это мое дело. И лечиться тоже не вам, а мне. Слава богу, я давно уже совершеннолетний и отвечаю за свои поступки. Я не хочу слушать никаких речей. Вот вы отобрали оружие у гангстеров — я говорю: правильно. Найдите спиртогонов, закройте салун. Точно? — он повернулся к толпе. В толпе неопределенно заговорили. — Что вы там бормочете? Я правильно говорю. Где это видано — за выпивку два доллара? Взятчиков кое-каких к рукам приберите. Это тоже будет правильно. А в работу мою не вмешивайтесь. Я прилетел сюда, чтобы заработать, и я заработаю, хоть тут все провалится. Решил я открыть свое дело — и открою. А речи ваши мне ни к чему. За слова дом не купишь...

— Правильно, Джо! — закричали в толпе.

— А вот и неправильно, — сказал Юрковский. Он вдруг налил кровью и заорал: — Вы что же, думаете, вам так и дадут сдохнуть? Это вам, голубчики, не девятнадцатый век! — Он снова заговорил нормальным голосом: — Вас здесь, дураков, от силы четыреста человек. А нас четыре миллиарда. И мы не хотим, чтобы вы умирали. И вы не умрете. Ладно, я не буду с вами говорить о вашей нищете духовной. Вам, как я вижу, не понять. Это ваши дети поймут, если они у вас еще будут. Я буду говорить с вами на языке, который вам понятен. На языке закона. Человечество приняло закон, по которому запрещается загонять себя в гроб. Закон, понимаете вы? Закон! Отвечать по этому закону будет компания, а вы запомните вот

что. Человечеству ваши шахты не нужны. Копи на Бамберге могут быть закрыты в любой момент, и все только вздохнут с облегчением. И имейте в виду: если комиссар МУКСа доложит хотя бы еще об одном случае каких-либо безобразий, все равно каких — свехурочные, взятки, спирт, стрельба, — копи будут закрыты. Это закон, и я говорю вам это именем человечества.

Юрковский сел.

— Плакали наши денежки, — громко сказал кто-то. Толпа зашумела. Кто-то крикнул:

— Значит, копи закрыть, а нас на улицу?

Юрковский встал.

— Не говорите чепуху, — сказал он. — Что у вас за дурацкие представления о жизни? Столько работы на Земле и в космосе! Настоящей, действительно необходимой, всем нужной, понимаете? Не горстке сытых баб, а всем! У меня, кстати, есть к вам предложение от МУКСа: желающие могут в течение месяца рассчитаться с компанией и перейти на строительные и технические работы на других астероидах и на спутниках больших планет. Вот если бы вы все здесь дружно проголосовали закрыть эти вонючие копи, я бы сделал это сегодня же. А работы вам всегда будет выше головы.

— А сколько платят? — заорал кто-то.

— Платят, конечно, раз в пять меньше, — ответил Юрковский. — За эту плату большое дело не откроешь. Зато работа у вас будет на всю жизнь и хорошие друзья, настоящие люди, которые из вас тоже сделают настоящих людей! И здоровыми останетесь и будете участниками самого большого дела в мире.

— Какой интерес работать в чужом деле? — сказал Джошуа.

— Да, уж это не наше дело, — заговорили в толпе.

— Разве это бизнес?

— Всякий будет тебя учить, что можно, что нельзя...

— Так всю жизнь и промыкаешься в рабочих...

— Бизнесмены! — с невыразимым презрением сказал Юрковский. — Ну, пора кончать. Имейте в виду, этого субчика, — он указал на мистера Ричардсона, охлаждающего лоб влажным носовым платком, — этого субчика я арестовал, его будут судить. Выберите сейчас сами временного управляющего и сообщите мне. Я буду у комиссара Барабаша.

Джошуа мрачно сказал Юрковскому:

— Неправильный это закон, мистер инспектор. Разве можно не давать рабочим зарабатывать? А вы, коммунисты, еще хвастаете, что вы за рабочих.

— Мой друг, — мягко сказал Юрковский. — Коммунисты всем за других рабочих. За рабочих, а не за хозяйчиков.

В комнате у Барабаша Юрковский вдруг хлопнул себя по лбу.

— Растяпа! — сказал он. — Я забыл камни на столе у управляющего.

Бэла засмеялся.

— Ну, теперь вы их больше не увидите, — сказал он. — Кто-то станет хозяйчиком.

— Черт с ними, — сказал Юрковский. — А нервы у вас... э-э... Бэла, действительно... э-э... неважные.

— На меня просто затмение нашло, — виновато сказал Бэла. — А правда, гадкая рожа?

— Нет, почему же? — сказал Жилин. — Очень обходительный человек.

Юрковский брезгливо заметил:

— Вежливый наглец! А какие здесь помещения, товарищи, а? Какой дворец отгрохали, а смерть-планетчики живут в лифте! Нет, я вернусь, я этим займусь.

— Хотите обедать? — спросил Бэла.

— Нет, обедать пойдем на «Тахмасиб». Сейчас кончится вся эта мура...

— Боже мой! — мечтательно сказал Бэла. — Посидеть за столом с нормальными, хорошими людьми, не слышать ни о долларах, ни об акциях, ни о том, что все люди скоты... Владимир Сергеевич, — умоляюще сказал он, — прислали бы вы мне сюда хоть кого-нибудь!

— Потерпите еще немного, Бэла, — сказал Юрковский. — Эта лавочка скоро закроется.

— Кстати, об акциях, — сказал Жилин. — Вот, наверное, сейчас в радиорубке бедлам...

— Наверняка, — сказал Бэла. — Продают и покупают очередь к радисту. Глаза на лоб, морды в мыле... Ой, когда же я отсюда выберусь?..

— Ладно, ладно, — сказал Юрковский. — Давайте, я посмотрю все протоколы. — Бэла пошел к сейфу. — Кстати, Бэла, может, здесь из кого-нибудь получится хоть более или менее порядочный управляющий?

Бэла копался в сейфе.

— Почему же? — сказал он. — Может, конечно. Инженеры здесь люди в общем неплохие. Хозяйчики.

В дверь постучали. Вошел угрюмый, облепленный пластырями Джошуа.

— Пойдемте, мистер инспектор, — сказал он хмуро.

Юрковский, кряхтя, поднялся.

— Пойдемте, — сказал он.

Джошуа протянул ему открытую ладонь.

— Вы камни там забыли, — хмуро сказал он. — Я собрал. А то у нас тут народ разный.